

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. <i>Транссибирский экспресс № 4</i>	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. <i>Партизанский отряд “УЁ”</i>	123
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. <i>Milklit</i>	241

Стукнул в печке молоток,
рухнул об пол потолок:
надо мной открылся ход
в бесконечный небосвод.

Даниил Хармс

ЧАСТЬ I

Транссибирский
экспресс № 4

Ты что, гнида, нам мороженных навалил? — прорычал густоусый коренастый машинист, отбрасывая заиндевевший брезент с контейнера, полного посиневших обрубков человеческих тел.

— То ж ведь, других на складе не было. — Бородатый мужик в форме вспомогательных войск ДР¹ развёл руками.

— Ладно, я тебе покажу “не было”... — Машинист достал тревожную *елду*, сжал.

Сигнал тревоги разнёсся в промозглом, влажном воздухе вокзала. Толпа провожающих, три оркестра, оцепление слегка приумолкли. Но тут же снова загалдели.

Из окна второго этажа третьего вагона вынул начальник поезда, капитан железнодорожных войск УР² Пак с лицом совершенно лишённым восточных черт.

1 Дальневосточная Республика.

2 Уральская Республика.

— Господин капитан, нам поднесли говна на лопате! — крикнул машинист своим глухим, но сильным и злобным голосом.

— Мороженые? — сощурился Пак.

— Так точно! Так нас господин Хэ Бао уважает! На мерзляке не поедем, а поползём!

Пак молчал пару секунд, исчез. И тут же с вагона на заваленный мокрым, истоптанным снегом перрон спустился здоровенный краснорожий подпоручик Кривошеин в обшитой серым каракулем синей куртке и такой же серой кубанке с чёрно-голубой полосой. Сжимая в руках неразлучную плетку, он подошёл к паровозу.

— Полюбуйтесь, товарищ подпоручик. — Машинист кивнул на контейнер.

Тот глянул на кучу мороженых обрубков. Вечно расслабленно-сосредоточенное, мясистое лицо его не изменилось.

— Он? — спросил подпоручик, не глядя на мужика.

— Он! — кивнул машинист и сплюнул на обрубки.

Мужик втянул голову в ватные плечи.

Плётка свистнула, но мужик успел закрыть рукавицами лицо. Подпоручик занёс руку для нового удара, но сквозь рукавицы выдавилось:

— Виноват! Не секите!

Рука с плёткой зависла в пасмурном воздухе.

— Чтоб контейнер парных. Живо! — произнёс подпоручик высоким, почти женским голосом.

— Так де ж мы парных найдём? — взмолился мужик, держа засаленные рукавицы у своей заросшей бородой физиономии. — Тюрма пуста, лагерь пуст!

— Где хошь.

— Так тюрма ж пуста, говорю! А лагерьёк весь невыгребли.

Подпоручик задумался на мгновенье. Сунул в детские розовые губы свисток, свистнул, раздувая розовые щёки. Вскоре из окна второго этажа второго вагона высунулся старшина Миллер в форме ЖДВ УР.

— Старшина, обеспечьте свежее топливо для паровоза! — громко, на весь перрон прокричал подпоручик.

— Слушаюсь!

Старшина скрылся, и вскоре из вагона выпал наряд с автоматами. Подбежав к прапорщику, семеро солдат в серо-жёлтых шинелях выстроились шеренгой. Подошёл старшина — приземистый, средних лет, в такой же шинели, с мятым лицом и светлыми обвислыми усами.

— Кузьмич, возьми у этих гадов сетки, шокеры, пилу. И обеспечь! — приказал подпоручик.

— Слушаюсь! — Старшина быстро коснулся двумя пальцами виска. — Наряд, кругом!

— Веди, вредитель! — Подпоручик пнул мужика хорошо начищенным сапогом.

Мужик косолапо побежал к пакгаузам.

— Наряд, за мной! — враскачку, по-матросски двинулся старшина.

Солдаты зашагали за ним.

— Фартуки хоть есть у тебя, мудло? — крикнул старшина в спину бегущему.

— Сыщутся, а как... — откликнулся тот.

Через час электропогрузчик подвёз к паровозу другой контейнер, полный порезанных на крупные куски человеческих тел.

— Другое дело! — усмехнулся машинист.

— Свежати́на, — сумрачно подтвердил старшина.

От кусков человечи́ны шёл пар. С утра не прекращающийся, крупный и влажный дальневосточный снег падал на них.

— Как там? — высунулся Пак.

— Парни́я, господин капитан! — крикнул машинист.

— Грузитесь быстрее! Из-за вас стоим!

Пак недовольно захлопнул окно.

Контейнер принялись грузить.

— Из-за вас... Не из-за нас. Навалили синевы, понимаешь... — проворчал машинист, достал папиросу, сунул в усы.

— Им, чертям, токмо воли дай. — Старшина достал свои сигареты, щёлкнул зажигалкой.

— Крысы тыловые, — прикурил у него машинист.

Несмотря на снегопад, солнце кратко глянуло в прореху клочковатых низких туч и сверкнуло искрой в двух каплях человеческой крови на рукаве старшины.

— Нефти достаточно? — вяло спросил он.

— Этого добра во Владике хоть жопой соси, — пробормотал машинист, выпуская дым сквозь усы. — Нефтью хайшеньвэйские¹ залились надолго. А вот с ломтями тут — третий месяц дефицит.

— Мир. Чего ж не ясно...

— Это точно. Мир.

Едва контейнер загрузили, машинист поднялся в паровозную будку, потянул жалейку. Паровоз дал протяжный гудок.

Слегка подуставшая, не очень густая толпа провожающих зашумела, задвигалась, не нарушая оцепления. Появились женские платочки. Ими замахали. За окнами тринадцати вагонов повставали с мест, замахали руками. И сразу же грянули три оркестра: военный ДР, военный РБ² и китайский вокзальный.

— Так и не договорились, мудаки... — пробормотал стоящий на подножке Пак и приложил руку в чёрной перчатке к серой кубанке.

И правда: командиры оркестров так и не смогли договориться, кому играть первым. Машинист продул цилиндры, повернул *мальчика*, и паровоз двинулся с места.

Но вдруг, под какофонию трёх прощальных маршей, раздался тревожный сигнал — вызов в балаболе, висящем слева на куртке у Пака.

— Начальник ТСЭ-4 капитан Пак! — проговорил он.

1 Хайшеньвэй — Залив трепанга, китайское название Владивостока.

2 Республика Байкал.

— Товарищ капитан, полковник госбезопасности Хэй Тао, — заговорил балабол по-русски с китайским акцентом. — Приказываю срочно прицепить к поезду спецвагон.

— Есть прицепить спецвагон! — ответил Пак на отличном китайском.

— В Ачинске его у вас примут. Ясно? — продолжил по-китайски Хэй Тао.

— Так точно, товарищ полковник, — ответил Пак.

Пак переключил балабол на будку паровоза:

— Стоп-машина!

Машинист остановил поезд.

— Подцепить спецвагон!

В будке машинист резко повернулся к старшему помощнику:

— Цепляют нам iron maiden, понял, а?

— Четырнадцатым?

— А то как! Суки! Там ещё тонн восемь!

— Вспотеем, Михалыч! — усмехнулся один из кочегаров.

— Придётся в Бикине заправляться, — осторожно пробормотал младший помощник.

— Трепанги ёбаные! — Машинист злобно сплюнул на жирный от нефти пол. — Каждый раз наесят в последний момент.

— Суки, ясное дело, — согласился старпом.

— Может, там парных ломтей подкинут? — пожал плечом младпом.

Дознавательный спецвагон, в народе именуемый *iron maiden*, а по-китайски — Ши-Хо¹, быстро подогнали и подцепили к тринадцатому, последнему вагону транссибирского экспресса № 4. Этот вагон был серый, без окон, с большим красным стандартным номером 21, с тремя дверями, одна из которых — низкая, квадратная — была сзади, в торце вагона и предназначалась для выбрасывания трупов по ходу поезда.

Машинист снова повернул *мальчика*. Паровоз пошёл. Два оркестра уже отыграли свои марши, трубачи вытряхивали слюну из мундштуков, и лишь упорный забайкальский, руководимый молодым и честолюбивым прапорщиком Терентьевым, всё дудел и дудел “Прощание славянки”. Терентьев яростно, как перед расстрелом, дирижировал. — Кувалда! — произнёс машинист, подводя пыхтящий паровоз ко второму семафору.

Прощальный ритуал, узаконенный Верховным Советом ДР, требовал исполнения. Возле семафора к бетонному столбу был привязан очередной враг дальневосточного народа. Голова его была выбрита. В этот раз это был полный остроносый молодой человек, чем-то похожий на снеговика из детских мультфильмов. Кочегар Жека, также бритоголовый, средних лет, с тяжё-

1 Стиснутые зубы (*кит.*).